

**ФОРМУЛА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
АНТОНА ЧИЖА**

**АНТОН
ЦИЖЖ**

МЕРТВЫЙ ШАР

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Художественное оформление серии
Алексея Дурасова

Чиж, Антон.

Ч-59 Мертвый шар / Антон Чиж. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-162218-3

Когда в тазу с вареньем зажиточный петербургский помещик-ловелас Нил Бородин находит чей-то глаз, он и не подозревает, что это только начало бедствий, которые постигнут его семью. Расследовать это странное происшествие призван молодой и харизматичный чиновник полиции Родион Ванзаров. Распутывая клубок семейных тайн Бородина, Ванзаров сталкивается не то с древним роком, не то с хитро продуманным планом маньяка, решившего одну за другой убить всех женщин, милых сердцу помещика...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-162218-3

© Чиж А., текст, 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Биллиардная игра во многом отличается от всех других игр. Это единственное развлечение, которое соединяет приятное с полезным. Приятность бильярдной игры заключается в том, что играющий, отвлекаясь от повседневных мелочей и дразг, отдается на некоторое время благородному чувству спортивного соревнования с другими в ловкости, быстроте, сообразительности и приятному для себя зрелищу, как пущенный им шар, точно живой, исполняет его поручения: бьет других шаров и заставляет их, в свою очередь, исполнять волю своего господина и, сделав свое дело, становиться на том именно месте, которое заранее мысленно определено игроком.

Школа и правила бильярдной игры по методе знаменитого русского игрока С. Ф. Докучаева, Покровского и других. СПб., 1899

• КИКС

Биллиард хотя с виду и представляет собой простой и для всех понятный инструмент, но в глубине своей простоты он хранит многие и многие тайны.

Школа и правила биллиардной игры по методу знаменитого русского игрока С. Ф. Докучаева, Покровского и других. СПб., 1899

• 1 •

Как известно, кочевые племена шли на Европу за новыми впечатлениями и свежими женщинами. Трудно осуждать их за это. Ну какие развлечения в степях? Тоска кругом. А дамского населения и вовсе недостатка. Где, скажите, найти в степи хоть какую-нибудь барышню, не то что хорошенькую? Кобылы, телки да ковыль. Так что кочевников гнала с насиженных пастбищ не историческая миссия, а чисто практическая задача: развлечься пожарищами завоеванных городов, заодно присмотрев себе двух-трех жен или рабынь.

Но вот какая зараза обращает городских жителей в толпы странников и гонит на дачу, науке неизвестно. За городом впечатлений никаких: комары и грязь те же, что в городе. Что же касается ловли жен на лоне природы, то уже имеющиеся супруги заранее отно-

сятся к невинным развлечениям без должной широты взглядов. Однобоко и неласково относятся, прямо скажем. Одним словом, делать ныне цивилизованному человеку на даче нечего. Сиди дома перед окошком, вдыхай испарения, глотай пыль и будь счастлив.

И все же доводы рассудка еще никого не остановили. Каждый май отцы семейств возглавляют набеги хищных домохозяев на близлежащие мирные поселения, в которых расселяются со всем скарбом, детьми, собаками и запасами, чтобы потом три месяца кряду каждое утро отправляться на службу в переполненных поездах, а вечером спешить обратно в такой же сутолоке.

Но за любое счастье наступает расплата. Приходит август, а с ним и конец дачного сезона. И тогда обыватель петербургский обращается в рыбешку, которую затянула сеть. Рыбешки мечутся в ужасе, копошатся, тычутся из стороны в сторону, но спасения нет — невод тянет за собой.

Обыватель петербургский обязан разыскать и снять новую квартиру, с тем чтобы семейство пережило бури и морозы под надежной крышей до новой весны. Обязан он к тому же разыскать достойную школу для подрастающих чад, снабдив оных всем необходимым для грызения знаний. А еще супруге непременно требуется закупить новую мебель, столики, или проклятые шифоньерки, или хоть пару стульев, потому что в августе принято покупать новую мебель, когда же еще. Кроме того, никто не снимал с петербургско-

го обывателя непрременной обязанности разбиться в лепешку, но достать билеты на все модные премьеры и бенефисы предстоящего сезона, иначе обожаемой женошке нечего будет обсуждать с гостями, и всю любовь к искусству она выльет на его и без того виноватую голову. И вот носится несчастный и думает только об одном: как бы опередить таких же рабов долга.

Но что испытания эти по сравнению с восторгом, который дарит август! У загнанного обывателя словно крылья вырастают за спиной, стоит лишь распространиться по столице волшебному аромату, который невозможно ни с чем спутать. Аромат разливается, и вскоре кажется, что нет такого уголка, улицы или подъезда, который не благоухал бы свежесваренным вареньем.

О, варенье! Как много значишь ты для петербургского жителя! В тебе одном находит он упоение и отраду долгими зимними вечерами, когда мороз ломится в окна. В тебе одном обретает успокоение души, когда другого не остается. В тебе одном восторг и сладострастие. Жить без варенья в Петербурге решительно невозможно.

Любите ли вы варенье, как любят его в столице? Нет, вы не любите его так. Нет у вас к нему такой страсти. В каком-нибудь южном городе вроде Москвы, Парижа или Багдада сладости хоть лопатой гребь, всякие лукумы с щербетами. Но в Северной столице нет ничего, кроме варенья. Один местный поэт даже написал строку: «Люблю тебя, Петра ва-

ренье...», но наборщик в типографии перепутал, и вышло «творенье». Так и оставили.

Кто жил в этом мрачном граде, поймет, какое счастье открыть в холода или ненастье баночку, вдохнуть аромат клубники, малины, вишни, земляники, черники, да боже ты мой, еще чего угодно, подцепить ложечкой сахарную ягодку, блестящую драгоценным рубином, отправить в рот и опутить такую негу и вдохновение, такую силу и огонь, какие не описать словами. Никаким джемам, конфитюрам и желе не возбудить подобных волнений. А потому едят варенья в Петербурге столько, что, как обычно, много не бывает. Нет, от варенья невозможно оторваться... А пенка!

Так, что-то увлеклись. Чтобы не изойти сладкой истомой, повторим вслед за стариной Апулеем: «Начнем-ка наши побасенки, внимай, читатель, будешь доволен».

Денек первой половины августа 1895 года, как и полагается, пропитался запахом разнообразного варенья. Кстати, давно уже пора переименовать этот месяц из непатриотичного римско-цезарьского в общеприятный: Варень. Чтоб за Июлем сразу Варень. А там, глядишь, и Сентябрь.

Ну так вот. Жара уступала первым осенним холодкам, прохладный ветерок разносил горячие облака сладкого. Все живое, побросав дела, взялось за медные тазики и мешки с сахаром. Береи и бличницы¹, не раз-

¹ Собирательницы ягод и грибов.

гибая спин, тащили в город полные корзины, а жадное чрево поглощало горы спелостей, требуя новых приношений. Печально, но в столице варенье готовит кто ни попадя. Иногда лучше не знать, как оно готовилось.

Вот, к примеру, Апраксин рынок, обычно торгующий всякой дрянью, превратился в одну большую кухню. Давно не мытые бабы перебирают горы ягод и, не окропив водой, бросают в котлы, никогда не знавшие мыла и скребка. Мешают варенье первой попавшейся под руку палкой, а что там в таз упадет, муха или сопля, уж как придется. И вот такое народное произведение ушлые торговцы скупают прямо с огня, разливают в фунтовые банки, в которых честно помещается три четверти фунта, клеят фасонные этикетки и нагло требуют по тридцати копеек за штуку. Какова дерзость!

Но что поделает петербургскому обывателю: покупает эту сладкую отраву и еще благодарит. А что прикажете: остаться на зиму без варенья? Ведь настоящего — киевского, самого лучшего и душистого — днем с огнем не найти, по какой-то таинственной причине не привезут его в столицу, нет, и все. Кондитерское варенье, что изготавливают фабрики, конечно, прекрасно, но цена кусается. А закупать паточно-глицериновую бурду ягодных маклаков — откровенно страшно. Вот и довольствуется петербуржец-квартирант тем, что предлагают рынки. И ведь любопытно: травятся не так уж часто. Да и то зимой. Может, желудок петербуржца научился переваривать камни? Или привыкли ко всему.

Впрочем, обитателям одноэтажного, но каменного особняка, потонувшего в зелени Крестовского острова, не грозило коротать зиму без варенья. Счастливо расположенный еще в черте города, но уже как бы вне ее, домик имел задний двор, на котором возвышался кирпичный очаг, покрытый прочерневшей жестяной, на которой удобно поместился медный тазик с массивной ручкой, мило побулькивающий и изливающий в окружающую среду аромат кипящего крыжовника. Тут же имелся главный секрет вкусного варенья: кухарка, умеющая его варить. Девушка в простом платье и замызганном переднике неторопливо водила деревянной ложкой по маршруту, в котором «s» превращалось в «z». Выждав одной ей известную минуту, приподняла тазик и хорошенько встряхнула. Вариво сдобно чмокнуло и расплылось. Готово, можно снимать.

Неся посудину двумя руками (все-таки тяжесть), кухарка направилась к ближайшему четырехногому сооружению, в котором меткий глаз распознал бы старый бильярдный стол. Но глаз должен быть метким. Всю поверхность дырявого сукна покрывала батарея пол-литровых баночек, ожидающих варенья, на тарелках грудились стопки бычьих пузырей, промытых и готовых к закупорке, а также восковые бумажки и кружки, пропитанные ромом, которые следует класть под пузырь. Тут же помещались тазики, в которых по киевской методе ягоды пересыпаны мелким сахаром (на 800 граммов — 400, при варке

добавить ложку воды). Рядом с горкой крыжовника собственного урожая возвышались холмики из малины и брусники, сторгованные по грабительской цене у приходящей береи.

Разгоряченный тазик подтолкнул ожидающих собратьев боком и разместился на столе, добавляя когда-то зеленой материи бурый след ожога. Как полагается, обтерев руки об себя, кухарка примерилась к тазу с малиной и уже взялась было за рукоятку, но тут взгляд ее, замутненный кухонной повинностью такого раннего часа, что другие и щеки от подушки не оторвали, вдруг узрел нечто неподобающее на розоватом поле сахара. Поморгав, понадеялась она, что внезапное помутнение схлынет, но немислимая находка и не думала исчезать. Напротив, смотрела нагло и прямо.

Не имея характера столько крепкого, чтобы встречать неожиданность мужественно, кухарка отбросила тазик подальше, расколов три банки; горячее содержимое тастика опрокинулось в траву. И, поскользываясь в варенье, попятилась, уже не владея собой.

Тишину спящего особняка прорезал такой надрывный и жалостливый вопль, что занавески в открытых окнах подернулись рябью. Наконец, потеряв равновесие, кухарка шмякнулась оземь и зашлась пронзительной трелью, которой позавидовал бы паровозный гудок.

Печальное одиночество ее не было долгим. Из дома довольно шустро выскочила пожилая дама. Чтобы заткнуть источник противного звука, при-

крикнула, что на кухарку не произвело впечатления никакого. Кричать она не перестала, только устала палец в пространство. Не найдя ничего заслуживающего столь гадкого визга, дама в ночном облачении строго высказалась о манерах прислуги.

Воздух в легких кухарки как раз удачно закончился, и она смогла наконец издать нечто хрюкающее, в котором различалось слово «таз». Дама шагнула к столу решительно, но, рассмотрев, что водрузилось на горке сахара, бросилась в дом — как видно, за подмогой. Кухарка же осталась в луже варенья.

• 2 •

Искушение слишком навязчиво. В открытое окно проникали непрошенные ароматы малины, ощущался тонкий, но значительный мотив черники, напористо и нагло напирал вихрь смородины, а за ним не отставали крыжовенный, брусничный, кажется, сливовый и даже айвовый. Нет, правда, айва. И откуда взялась? Наверное, привозная, сладкая, медовая...

Оскар Игнатьевич осторожно принюхался, полуприкрыв глаза, и, как истинный знаток, оценил тончайшими нервными окончаниями своего крепкого носа переливы и нюансы свежего варенья. Что делать, даже начальственное присутствие бессильно перед дурманом.

Надо признаться: полковник Вендорф был глубоко неравнодушен к варенью. Не только к нему, в жизни

его были не менее глубокие и пикантные интересы, но каждый август он хищно облизывался, предвкушая, как в ноябре, а если не вытерпит, и в октябре появится на столе заветная баночка, а за ней другая и третья. И так, пока кладовые не опустеют до следующего лета. Даже сейчас, когда полагалось выслушивать посетителя, ничего не мог с собой поделаться. Все внимание было отдано отгадыванию очередного запаха. Кабинет его размещался вдалеке от рынков, где царила вакханалия варки, в начальственном центре столицы – на Большой Морской улице, на которой морем не пахло вовсе, а вот вареньями – сколько угодно.

– Да-да, это очень странно, – кое-как выдавил из себя Оскар Игнатьевич, сообразив, что посетитель уже в третий раз излагает свою историю. Полковник отлично видел, что гостю удастся сохранить выдержку, но испуган он по-настоящему. При кажущейся смехотворности и даже ничтожности возникшего обстоятельства стоило признать, что в нем было что-то странное и неприятное.

Ах да, тут следует кое-что пояснить. Оскар Игнатьевич служил полицеймейстером 1-го отделения Петербурга, то есть был одним из четырех полицейских чинов, выше которых в столице находился только сам градоначальник и директор Департамента полиции. Под властью полковника Вендорфа пребывала четверть всех полицейских участков, охранявших порядок и спокойствие в Петербурге. Остальные три четверти руководились тремя полицеймейстерами других

отделений. Попасть к Оскару Игнатьевичу на прием вот так, запросто, не мог даже средний чиновник, не говоря уже о каком-нибудь пострадавшем. А вот разместившийся в глубоком кресле господин подтянутой наружности, облаченный в роскошный летний костюм, смог. За какие такие заслуги? Значит, были. И все тут.

— Так что же посоветуете? — спросил гость с отчетливой ноткой тревоги в голосе.

Оскару Игнатьевичу очень хотелось посоветовать не забивать голову всякими бреднями, когда нет реальной причины для беспокойства, но он никак не мог это произнести. Ну вот не мог, и все. Потому что таков был гость.

— Думаю, Нил Нилыч, этим делом следует заняться. Возможно, ничего серьезного, но проверить стоит. Нельзя подвергать вас даже призраку опасности.

Визитер как-то сразу расслабился, вольнее развалился в кресле, словно его беду сняло, как пенку ложкой, и уточнил, какие меры следует предпринять.

Это полковник Вендорф и сам не очень представлял. Однако, изобразив на лице концентрированную работу мысли, изрек, начальственно растягивая слова:

— Для такого поручения требуется человек особого склада...

Эту мысль посетитель целиком поддержал, почтительно смолчав, чем вынудил полковника к неизбежному и такому нелюбимому делу — принятию конкретного решения.

— Тут нужен умный и расторопный чиновник.

— Неужели у вас такой есть? — невежливо спросил Нил Нилыч, но Вендорф пропустил шпильку мимо ушей.

— У нас много дельных чиновников, — с тихой гордостью парировал он. — Но вам порекомендую лучшего.

Посетитель затребовал подробности, которые ему выложили незамедлительно. Оказалось, в хозяйстве полковника Вендорфа имеется прямо-таки целое сокровище, не чиновник, а просто золото. Разве что не блестит.

Начать с того, что образование получил отменное, даже несколько более глубокое, чем требуется. Как известно, хороший чиновник должен быть слегка глуповат, чтобы не мешать начальству беззаботно собой руководить. Но этот грех герою простили. Петербургский университет только ленивый не оканчивал, тут не удивишь, а вот удивительно, что от древних греков и римлян он подал прошение в Департамент полиции. Но и там не счел полезным, как другие прилежные господа, заниматься бумагами, карьерой, подсиживанием, услугами начальству и прочей волнующей деятельностью, а взял да и потребовал направить в самое пекло и грязь, а именно в сыскную полицию. Такой поворот привел директора Департамента в замешательство, но, будучи склонен поощрять молодых в набивании шишек, он отправил-таки его в сыскную, наградив статусом чиновника для особых поручений. Заявившись в хозяйство

статского советника Воцинина, молодое дарование было сразу же отправлено куда подальше по причине въедливого характера и неумной жадности совать нос куда совершенно не следует. В результате чего чиновник был сослан в 4-й участок Казанской части формально нести службу от сыскной полиции.

Описав вкратце столь редко встречающиеся ныне свойства, граничащие с глупостью, полковник Вендорф отметил кое-что из личных качеств, бесполезных в таком туманном деле. С его слов выходило, что чиновник этот обладает исключительным упрямством, при этом может быть резок и даже груб, за словом в карман не лезет, а уж если за что-то возьмется, то лоб расшибет, но добьется результата. Причем владеет поразительным умением анализировать и находить невидимые глазу причины и подоплеки. Что отрадно: не скрывает своих карьерных амбиций и явного желания быть лучше всех. Так что в итоге самая подходящая кандидатура для такого «загадочного» дела.

Характеристика произвела впечатление. Нил Нилыч осведомился с почтением:

- Наверное, уже титулярный, не меньше?
- Нет, пока еще коллежский секретарь.
- Сколько же ему?
- Двадцать три года.
- Не слишком ли молод?

«В самом соку!» — уже хотел выпалить полковник, но вовремя спохватился. Все-таки чиновник полиции, а не спелая ягода.

— Совсем недавно ему удалось распутать сложнейшее дело. Можно сказать, вывел на чистую воду опасного убийцу, а другого помог задержать по горячим следам. Прямо-таки дуплетом.

— Ишь ты, шустрый. Значит, не скиксует.

— Не то слово. Такой клапшtos заложит — только подивитесь. Если, конечно, есть какого шара играть.

Поклонники русской пирамиды отлично поняли друг друга. Но Нил Нилыч все же поинтересовался: неужели у юноши нет слабости или какого-нибудь завалящего недостатка? Оскар Игнатьевич собрался было посплетничать, но вовремя сдержался: посетитель мог неправильно понять. Или, вернее, принять на свой счет.

Дело в том, что единственным недостатком юного коллежского секретаря, по мнению начальства, был его семейный статус. Точнее, полное отсутствие такового. В свои зрелые годы энергичный чиновник полиции был еще преступно не женат. И это возбуждало смутную тревогу. В самом деле, как можно доверить охрану самого дорогого, что есть у каждого чиновника, — власти — тому, кто никогда не управлял своей женой? Достаточно ли крепка рука его, если никогда не знала вожжей, которыми управляется, во всяком случае в теории, любезная супруга? Можно ли доверить ему российскую государственность, если ни одна женщина не доверила руководить ею? Не имея других, более важных вопросов, начальство скрытно и пристально следило за семейной колли-

зией чиновника, но терпение могло закончиться. А вместе с ним и карьера удальца. Но все это касалось исключительно отношений между начальством и чиновником. И никого больше.

Нил Нилыч же был совершенно удовлетворен. Пока Вендорф набрасывал на фирменном бланке рекомендательное письмо, гость развлекал его подробностями недавно сыгранной партии, в которой обыграл заезжего зазнайку на червонец. А получив конверт, сообщил, что для такого замечательного друга готов на любую услугу.

— Значит, я могу надеяться? — скромно потупившись, спросил Оскар Игнатьевич.

— Не просто надеяться, теперь я ваш должник! Все, что угодно!

— В ближайшее воскресенье удобно?

— Да хоть завтра! Надеюсь, больше суток вашему герою не потребуется, чтобы раскрыть тайну.

Полковник искренне на это надеялся. И добавил:

— Не мазу ведь жалко, тут дело принципа. И уж кажетя, метко кладу, а он, подлец, летит куда захочет.

Кто бы мог подумать, что грозный полицеймейстер и вообще четвертинка полицейской власти столыцы мечтал не о чинах и наградах, а о самом желанном, после варенья, невинном счастье: обучиться хитрому рокамболю, которым Нил Нилыч одержал не одну победу в пирамиде. Чтоб шар класть в лузу так... Ну, в общем, что тут поделать: наши слабости — вторая натура.

• 3 •

Садовой улице по чести следовало зваться Рыночной: садов на ней раз и обчелся, а торжищ целых пять. Потому аромат кипящего варенья оведал ее из конца в конец. Особо густой дух скопился как раз посередине, в промежутке между Сенным рынком и Никольским.

Напротив подъезда доходного дома стояла пролетка, на козлах которой восседал излишне смуглый извозчик, украшенный не суконным цилиндром с пряжкой, а восточным тюрбаном, замызганным до крайней степени. Рядом с пролеткой стоял господин среднего роста, в одной руке которого имелась вязанка толстых книг, стянутых сырой бечевкой, а в другой болтался потертый саквояж. Господин был, прямо скажем, юн, слегка тучноват, но в самую меру, на крепкой шее сидела довольно крупная голова, подстриженная аккуратно, но коротковато, что позволяла заметить лихо сдвинутая на затылок шляпа. Одет по-летнему просто и неброско, так что трудно заметить что-то выдающееся в костюме. Выдающееся было в другом. Начать с того, что лицо украшали черные, как крыло коршуна, усы, да такие пушистые и густые, что укрощать их пришлось при помощи помадки. Несмотря на титанические старания цирюльника, казалось, что в любую минуту усы эти готовы непослушно выпрыгнуть и распушиться во всю удаль.